МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26б. Телеф. 96-69
Вырезка из газеты Советское искусство
от
Москва

В Театре миниатюр

С. ЦИМБАЛ

В нашем театре почти совсем забыт жанр маленькой пьесы, пьесы-новеллы, пьесы-миниатюры, пьесы-шутки. Исчез со сцены несправедливо обойденный водевиль, покрывается пылью на книжных полках злой и насмешливый «Театр Клары Газуль» Проспера Мериме. Только изредка и невзначай появляется на афишах имя Чехова, Чехова — автора непревзойденных пьес-шуток: «Свадьба», «Предложение», «Медведь».

Не интересует жанр маленькой пьесы и наших советских драматургов. Их, видимо, не привлекает сложнейшая и почетнейшая задача раскрытия и воплощения в короткой сценической композиции больших тем и образов новой действительности. Вернее, им кажется, что маленькая пьеса способна рисовать только мелкие характеры.

Нужно решительно отбросить этот нелепый предрассудок, в результате которого монополистами маленькой пьесы на советской эстраде стали второсортные драмоделы, фальшивомонетчики от драматургии. Они наводняют эстраду так называемыми «скетчами», развязно и пошло трактующими «ходовые» темы. В большинстве случаев эти скетчи строятся на том, что «он» принял «ее» за никчемную простушку, а она, оказывается, парашютистка, или доцент университета, или вновь назначенный директор завода, на котором «он» работает. Происходит кратковременный конфуз, завершающийся грандиозной моралью насчет того, что «нынче все переменилось».

Такого рода «скетчи», само собой разумеется, не имеют ничего общего ни с той маленькой пьесой, о которой идет речь, ни с живой, наполненной горячим дыханием жизни советской тематикой. Фальсифицируя, опошляя советские темы, пресловутые «скетчисты» фальсифицируют вместе с тем и самый жанр «маленькой пьесы», жанр, который имеет все права на жизнь в советском театре и на внимание к себе советского зрителя.

Нелепо было бы думать, что маленькая пьеса чужда по самой своей природе больших тем и образов советской современности. Она требует от драматурга виртуозного мастерства, безупречного владения искусством сценического разговора, совершенной сюжетной композиции и зрелой, глубокой, ясной мысли. Ни Мериме, ни Чехов, ни старые водевилисты отнюдь не склонны были видеть в одноактной пьесе пустой предмет сценической забавы. Писать коротко — отнюдь не значит мыслить поверхностно.

Больше того: именно маленькие пьесы несли с собой ясную, простую и точную мысль. Коротко и сильно рисовала маленькая пьеса типические характеры и типические конфликты, в самой жизни черпая средства своей выразительности — краски, оттенки, штрихи. При всей кажущейся условности такие пьесы были прежде всего плодом реалистического мышления драматургов. Живая жизнь, реальные люди подсказывали Ленскому и Каратыгину, Мериме и Чехову создание самых виртуозных по сценической остроте и неожиданности ситуаций.

Возвращение к жизни этого жанра должно было стать центральной творческой задачей открывшегося в этом году в Ленинграде Театра миниатюр. Именно здесь должна была возродиться культура маленькой пьесы, именно здесь должна была она получить свое новое применение. Театру, принявшему на себя решение большой и трудной творческой задачи, надлежало сгруппировать вокруг себя драматургов, режиссеров и актеров, способных создать спектакль маленькой пьесы — умный, острый и занимательный.

Художественное руководство театром принял на себя И. О. Дунаевский, который в силу своей занятости композиторской работой не смог уделить много времени театру в самый серьезный, подготовительный период его жизни. Практически руководить театром стал Д. Г. Гутман — режиссер с вполне обоснованной репутацией поверхностного выдумщика, растратившего себя на постановку кубо-скабрезных и плоских мюзик-холльных обозрений. Естественно, что вокруг Гутмана не был создан тот актив драматургов и режиссеров, который смог бы помочь вновь созданному театру определить свое творческое лицо.

Уже одно это обстоятельство не замедлило оказаться на качестве первой программы театра. Казалось бы, все условия были соблюдены. В программе значились четыре маленьких одноактных пьесы: водевиль «До свидания, девушки», сатирическая пьеска о выборах в капиталистических странах «Большой день будущего губернатора», сцена «На старой даче», изображающая разоблачение наркомвнудельцем глубоко замаскировавшейся шпионки, и лирико-героический этюд «Ровесники».

Программа эта была об'единена конферансом, построенным на том, что у конферансье Театра миниатюр в день премьеры рождается ребенок. Отталкиваясь от сего происшествия, авторы стали уныло и плоско потешаться над злосчастным конферансье, то и дело путающим, по их воле, два примечательных события своей жизни. В одной из сцен того же конферанса изображаются скептические прохожие, недоверчиво разглядывающие первую афишу Театра миниатюр. Здесь же происходит и диалог «критиков», которым театр по неизвестной причине дал обличье департаментских чиновников конца прошлого столетия. Надо признаться, что этой оценке явно недоставало правдоподобия: у зрителей и у критиков в связи с первой программой театра могли возникнуть опасения гораздо более серьезные, нежели те, которые были предусмотрены авторами конферанса.

Но оставим конферанс и обратимся непосредственно к перечисленным нами пьесам, которым, собственно, и надлежало оправдать название вновь открывшегося театра. Всех их об'единяет полное равнодушие к литературному слову, к тонкой и острой разработке диалога, к углубленному раскрытию характера. Нащупав тему, иногда очень острую и нужную, правильно расставив персонажей, «малоформисты» не считают нужным заботиться о том, чтобы каждое действующее лицо имело свой, живой, индивидуальный характер. В этом отношении интересен водевиль Льва Левина «До свидания, девушки». У автора хватило драматургического темперамента для того, чтобы откликнуться на живую, сегодняшнюю тему — водевиль рассказывает о девушках-хетагуровках, радостно и восторженно откликающихся на призыв Валентины Хетагуровой, о старике-настройщике, который отправляется на Дальний Восток настраивать рояли для Особой Дальневосточной. Есть у Левина и хороший дружеский юмор, не пишет он плохо.

Почему-то, добравшись до темы, Левин перестает думать. Сюжетную, сценическую инициативу он уступает своим многочисленным и несравненно более опытным предшественникам-водевилистам. В результате, каждая из девушек получает своего юношу (снайпера или парашютиста), за этим следует несколько испытаний, но несуразных в применении к советским персонажам, кви-про-кво, и все заканчивается милой и ласковой песенкой. Однако как бы песенка ни была хороша, она не в состоянии сгладить впечатление искусственности, натянутости и бессмысленности всего происшедшего.

Левин — далеко не одинок. То же скольжение по поверхности отличает и пьесу д'Актиля и Волина «Большой день будущего губернатора». И здесь авторы находят, казалось бы, нужную и своевременную тему. Но снова — штампы, многочисленные литературно-драматургические реминисценции и парафразы господствуют над живой мыслью, инициативой и фантазией драматургов. И на этот раз, как и в водевиле Левина, тема оказалась подмененной ее литературным штампом. Люди и ситуации, показанные д'Актилем и Волиным, оставляют твердое убеждение в том, что они уже были когда-то и кем-то показаны, и это убеждение оставляет зрителей холодными там, где у драматургов были все возможности увлечь их.

Единственной принципиально-удачной пьесой в программе была пьеса Я. Ялунера «На старой даче». Мало того, что драматург откликнулся на волнующую каждого тему мужественного и бесстрашного труда славных наркомвнудельцев, в самой разработке ее он обнаружил несомненное мастерство и темперамент. К сожалению, руководство театра не помогло Ялунеру поднять пьесу его до более высокого литературного уровня.

Вторая программа театра, несомненно, более удачна, нежели первая. Все же она не снимает опасений, возникших после просмотра первой программы. Программа составлена из переводного водевиля «Больше не буду» (пустяшный и веселый водевиль, отлично разыгранный Грановской, Арди и Розановым), конферанса, монолога Смирнова-Сокольского, двух хореографических номеров, выступлений джаза (сопровождаемых способной актрисой Серафимой Пейсен, работающей в жанре цирковой клоунады), сценки «Боевые друзья» — неудачной попытки возрождения жанра камерно-патетической песни в духе Беранже — и пьесы «В белую ночь».

Успех второй программы, ее разнообразие достигнуты в результате компромисса — в ней очень мало от Театра миниатюр и гораздо больше от Мюзик-холла, театра эстрады. Но в этом, разумеется, нет ничего страшного. Некоторые жанры «большой эстрады» имеют все основания жить на сцене Театра миниатюр. Театрально оформленная песня, впервые прозвучавшая на подмостках театра, а назавтра распеваемая в клубах, на демонстрациях, может возникнуть и в водевиле и в специально оформленном хоровом номере.

Замечательные музыкальные возможности театра неминуемо должны подсказать ему самые разнообразные формы драматургии. Лирический этюд «Боевые друзья» представляет собой попытку сделать песню органическим элементом маленькой пьесы. Но и здесь театр оказывается жертвой литературной небрежности и драматургического скудомыслия. В частности диалог, который должен служить введением к двум песням старых боевых товарищей по гражданской войне, особенно беспомощен, уныл и бесцветен.

В лице Серафимы Пейсен театр нашел острую и своеобразную актрису, работающую в неожиданном для женщины клоунском жанре. К сожалению, театр не проявил здесь педагогического такта — она балаганит, обнаруживая полное отсутствие чувства меры.

Отсутствие строгого и внимательного режиссерского глаза мешает сценической судьбе не одной только Пейсен. В театре есть актеры, которые могли бы дать несравненно больше, чем они сейчас дают.

На подмостки Театра миниатюр должны быть привлечены мастера режиссуры. Такие режиссеры, как Ф. Н. Каверин, Н. В. Петров, не только подняли бы постановочную культуру театра, но и помогли бы ему привлечь к работе драматургов, способных работать в трудном жанре маленькой пьесы. Театр должен привлечь к работе Зощенко, Виктора Гусева, Сергея Михалкова, Лебедева-Кумача, Евгения Шварца.

Судьба Ленинградского театра миниатюр, единственного театра, работающего в области маленькой пьесы, должна привлечь к нему внимание и творческую энергию драматургов и режиссеров.